

УДК 81.411.2-33

Роль метафоры и символа в образовании пословичных трансформ

Кассина Т.А., Продайко В.Н.

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

*Украинский государственный химико-технологический университет,
г. Днепропетровск, Украина*

Статья посвящена проблеме порождения трансформированных паремий. Анализируется роль метафоры и символа в пословицах как членов бинарной оппозиции «смысл – значение». Общей целью данной статьи является анализ роли метафоры и символа в процессе порождения пословичных трансформов.

Ключевые слова: *паремия, трансформированная паремия, символ, метафора.*

В своей работе, посвященной трансформированным паремиям (антипословицам, пословичным трансформам, квазипословицам), авторы настоящей статьи сделали вывод о том, что природа таких паремий может быть разной, следовательно, разными будут их социокультурные функции [4, с. 16- 17]. В одних случаях антипословицы, благодаря своей «карнавальной» роли, парадоксальным образом направлены на сохранение существующего порядка вещей (Бахтин). В других, трансформированные паремии служат делу «бунта», работая на разрушение уже имеющегося порядка. Это происходит тогда, когда антипословицы являются своеобразной формой «осмеяния» вековой и уже потому «отжившей» мудрости [3, с. 4]. И, наконец, они могут являться своеобразной языковой игрой, выражая собой, согласно постмодернистскому дискурсу, некую гиперреальность (Бодрийяр). Такого рода выводы закономерно ставят вопросы относительно как причин порождения трансформированных пословиц, так и методов их образования.

Если говорить о причинах, то, как отмечают многие исследователи, активное использование трансформов является реакцией на фундаментальные и необратимые перемены в социокультурной сфере. Причем речь идет не только об отечественной действительности. Так, например, американский паремиолог В. Мидер пишет: «Шутливая или серьезная игра с пословицами отнюдь не нова, но можно констатировать, что критическое противостояние старой мудрости принимает в наши дни особо заметные масштабы» [3, с. 4]. Заметим, что к этому выводу исследователь приходит на основании изучения англоязычной и немецкой прессы США и Европы. Это говорит о том, что мы, возможно, имеем дело с некими глубинными процессами отказа от вековых ценностей, отражающего смену культур. Ведь не может быть случайным то, что современная эстетика на место таких принципов классического эстетического опыта как прекрасное, возвышенное, трагическое вводит принципы безобразного, ирони-

ческого, игрового. В этом плане как раз характерно то, что в трансформмах нередко на первый план выдвигаются парадоксальные или вовсе абсурдные утверждения. Для европейской логоцентричной культуры использование принципов алогизма, нонсенса, парадокса хотя и не ново (подобное уже использовалось в сакрально-религиозном опыте Средневековья, откуда, кстати говоря, оно проникало в фольклорную и смеховую народную культуру того времени), но оно никогда не было таким основательным как сегодня. Очевидно можно согласиться с утверждением о том, что активное обращение к абсурду заключается «в расшатывании, разрушении традиционных... представлений о разуме, рассудке, логике как о незыблемых универсалиях человеческого бытия» [2, с. 391]. С этой стороны даже беглый взгляд на трансформированные паремии убеждает нас в том, что мы имеем дело не с неким поверхностным событием, а со знаковым для современной эпохи явлением, что обуславливает *актуальность* нашего исследования.

Целью статьи является анализ роли метафоры и символа в процессе порождения пословичных трансформов.

Очевидно, что указанное социокультурное значение пословичных трансформ в качестве маркера глубинных процессов, происходящих в информационном обществе, предполагает и более основательное отношение к вопросу их образования. Речь идет о следующем. Когда исследователи рассматривают механизмы конструирования трансформированных паремий, то они при этом, опираясь на принцип структурно-семантического моделирования [6, с. 158], в типологию этих механизмов, как правило, включают семантический, структурный и структурно-семантический их виды [см. напр.: 7, с. 5]. Не вызывает сомнения то, что такой подход расширяет наше представление о классах трансформов, вариантах их порождения, условиях их появления. Однако следует признать и то, что мы все же при таком подходе остаемся на поверхности явления, не проникая в его сущность. И дело не в том, что мы при этом вращаемся в основном в пределах лингвистики, а надо выходить на более широкий культурный фон, для чего следует использовать методы культурологи, социологии, психологии и т.п. Вопрос в том, что даже потенциал лингвистики здесь не используется в полной мере.

Например, когда говорят о семантическом типе преобразования пословиц в их трансформы, то под этим понимают частичную или полную буквализацию переносного смысла исходной пословицы, актуализацию их внутренней формы, изменение типа высказывания. Малосодержательность такого объяснения очевидна, поскольку остается неясным, каким же в действительности образом мы получили тот или иной пословичный трансформ, особенно если брать во внимание такую их разновидность как антипословицы. Подчеркнем, что под трансформом мы понимаем не простое видоизменение паремии, а пословичное выражение с измененным социокультурным содержанием. Несколько яснее исследуемое явление раскрывается со стороны структурного механизма получения трансформа, который представляет собой замену одного или нескольких компонентов материнской пословицы или расширение ее компонентного состава. Но и в этом случае очевидно, что речь идет не о сущностных механизмах функционирования такого языкового явления как трансформированная пословица, а лишь о формальных характеристиках ее получения. Дело не меняется и в варианте структурно-семантической трансформации исходной пословицы, поскольку он представляет собой простое суммирование предыдущих двух.

Чтобы выйти за пределы узкословарного подхода в вопросе функционирования трансформированных паремий, мы предлагаем обратиться к их метафорическим и символическим характеристикам. При этом с самого начала обратим внимание на то, что в основе таких семиотических концептов как метафоры, так и символа находится один источник. Этим источником является образ, благодаря которому рассматриваемые явления становятся отличными от главного семиотического концепта – знака. Если знак безличностен и в определенном смысле этого слова внечеловечен, то образ, напротив, вне личности существовать не может. Это достаточно существенное замечание, в связи с которым примечательно предостережение известного философа М. Мамардашвили, который подчеркивал, что «когда семиотика рассматривает человека, то она должна понимать под этим не то существо, которое придумывает знаки, а то существо, которое... их использует как уже готовую, сложившуюся знаковую систему» [5, с. 84]. Важно здесь и то, что с позиций семиотического анализа использование языка как знаковой системы нельзя рассматривать как процесс творчества, поскольку «знаки не изобретаются; они являются человеку стихией, в которую он погружен, и ее элементы находятся... как вне человека данные и «готовые» знаковые системы» [5, с. 92].

При исследовании природы трансформируемых паремий мы должны отталкиваться не от абстрактных относительно человека их знаковых характеристик, а от «живого, индивидуализированного, личностного» процесса. Только в этом случае мы можем понять как метафорическую, так и их символическую сущность, а вместе с этим и определить те глубинные механизмы, которые приводят к их появлению. Это хорошо видно уже со стороны метафорического содержания трансформов. Как подчеркивается в литературе, метафора – это «вторжение ... представления (образа) в зону интеллекта, единичного в зону общего, индивидуальности в страну классов [1, с. 19]. Именно в силу этого метафора чувствует себя «неуютно» и на месте такого компонента предложения как субъект, и на месте такого компонента как предикат. В качестве первого метафора слишком независима от предмета речи, в качестве второго – слишком семантически неопределенна. Другими словами, метафора, с фактической стороны, некоммуникативна как, например, знак и именно потому для нее главным является не значение, а смысл. Потому-то по сути дела назвать ревнивца именем Отелло совсем не значит прибегнуть к метафоре именно в силу общепринятости значения этого слова. Только смысл может наполнить семантику метафоры ее действительным содержанием. Из этого следует, что в случае с пословичным трансформом мы в действительности имеем дело не с процессом «уничтожения» материнской паремии, поскольку со стороны смысла это уже произошло, а с процессом ее «оживления» за счет ее нового смыслового наполнения.

Несмотря на то, что трансформы благодаря именно метафоре как бы возрождают вековую пословицу с ее мудростью, мы все же должны видеть несколько иной процесс, который допустимо назвать таким физическим термином как аннигиляция. Напомним, что аннигиляция – это реакция превращения частицы и античастицы при их столкновении в какую-либо иную частицу, отличную от исходных. Применительно к нашей проблеме мы подобный процесс можем увидеть в том случае, если параллельно с ролью метафоры в трансформированных паремиях рассмотрим символическое содержание паремий, а, следовательно, и роль символа в их трансформации.

Сначала обратим внимание на то, что хотя и метафора, и символ имеют образную природу их происхождения, но дальнейшее их развитие идет в противоположных

направлениях. В метафоре образ сохраняется, в символе же он исчезает. Потому-то способность к символической репрезентации своего бытия является характеристикой исключительно человека, но никак не животного. Последнее не способно к обобщению, как это делает человек, символизируя какие-то стороны своего существования. Не случайно немецкий философ Э. Кассирер понимал возможность культуры только как возможность упорядоченной системы символических форм, в том числе и в сфере языка, а человека определял как *homosymbolicus*.

Увидеть прагматическое значение противоположности между метафорой и символом можно на примере, который приводит М. Мамардашвили в уже упомянутой нами работе. В ней он ссылается на английского этнолога Марета, который, занимаясь верованиями в кельтской Великобритании, пришел к выводу о том, что нельзя ставить вопрос: «На чем основаны представления о русалках, леших, нимфах?», а надо ставить вопрос: «Что надо сделать, чтобы увидеть русалку, нимфу и лешего?» [5, с. 242]. Понятно, что в первом случае мы будем иметь некие символы, которыми можно пользоваться, но только в рамках уже существующих, имеющих алгоритмическую выраженность, представлений. Это именно то, что мы наблюдаем в работе компьютера. Во втором случае мы уже будем иметь не знание, а понимание, содержание которого представляет собой не повторение уже усвоенных представлений, а конструирование новой и именно потому осмысленной реальности, что предполагает свободу в обращении с языком как знаковой системой. Последнее есть не что иное, как творчество, чего принципиально лишен компьютер.

Выводы. Рассматривая метафору и символ применительно к паремиям, мы можем сказать, что если первая выражает смысл паремии, то второй означает ее общую идею. По сути дела мы наблюдаем столкновение противоположных функций. Символ в силу своего императивного характера работает на сохранение паремии, навязывая человеку определенный социальный опыт. Метафора, благодаря своей образности, творческой потенции разрушает ее в каждом случае индивидуального применения. Именно в этом мы усматриваем процесс, который мы назвали аннигиляцией. Когда человек заменяет в материнской паремии «стертую» временем и употреблением метафору, то он тем самым сталкивает ее с малоподвижным символом, заключенным в этой паремии. В результате этого мы и получаем пословичный трансформ, который характеризуется более яркой образностью по сравнению с материнской паремией и с неопределенной, по крайней мере вначале, символикой.

Можно пояснить сказанное, используя эвристический потенциал известного семиотического принципа бинарной оппозиции. Бинарная оппозиция – это такой тип отношений в знаковых системах, в котором один член оппозиции приобретает свое значение только через свое отношение с противоположным ему членом этой оппозиции. В классическом понимании центром бинарной оппозиции, обеспечивающим ее упорядоченность и устойчивость, является открытый еще основателем структурализма К. Леви-Строссом третий член оппозиции, так называемый медиатор. Именно ему принадлежит роль обеспечения связи между крайними членами оппозиции. В нашем случае, если рассматривать метафору и символ в качестве крайних членов оппозиции, то медиатором мы должны рассматривать саму паремию, в границах которой они и сосуществуют. Исчезновение же материнской паремии, ее замена трансформом означает исчезновение старого семиотического медиатора и появление нового, который опосредует собой как новую метафору, так и формирующийся новый символ.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: [Сборник]. – М.: Прогресс, 1990.
2. Бычков В.В. Эстетика: [учебник для вузов] / В.В.Бычков. – М.: Академический Проект, 2009.
3. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – СПб. : Издательский Дом «Нева», 2006.
4. Кассина Т.А., Продайко В.Н. Русские антипословицы в дискурсивном пространстве постмодернизма / Т.А.Кассина, В.Н. Продайко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2011. – Т. 24 (63). №2. Часть 2. – С. 14–20. – (Серия «Филология. Социальные коммуникации»)
5. Мамардашвили М.К. Символ и сознание / М.К. Мамардашвили. – СПб : Азбука-Атикус, 2011.
6. Мокиенко В.В. Славянская фразеология / В.В.Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1980.
7. Федорова Н.Н. Современные трансформации русских пословиц: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. фил.наук: спец. 10.02.01 / Н.Н. Федорова.– Псков, 2007.

Кассина Т.А. Продайко В.М. Роль метафори та символу в утворенні трансформованих прислів'їв // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Часть 1. – С. 304-308.

Стаття присвячена проблемі утворення трансформованих паремій. Проаналізована роль метафор та символу в прислів'ях як членів бінарної опозиції «розуміння – значення». Загальною ціллю статті є аналіз ролі метафори та символу в процесі утворенні трансформів прислів'їв.

Ключові слова: паремія, трансформована паремія, символ, метафора.

Kassina T.A, Prodajko V.N. Role of metaphor and symbol in proverbial transforms formation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 1. – P.304-308.

The subject of this article is the problem of creation of transformed paremie. Role of metaphor and symbol in a proverb is analyzed as members of binary opposition sense – meaning. The aim of the article is the analysis of the role of metaphor and symbol in generation of proverbial transforms.

Key words: paremia, transformed paremia, symbol, metaphor.

Поступила в редакцию 09.03.2012 г.